

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА

А. С. Баханович-Шикуть

г. Минск, Республика Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ИРОНИИ В РОМАНЕ ТЕРРИ ПРАТЧЕТТА И НИЛА ГЕЙМАНА «БЛАГИЕ ЗНАМЕНИЯ»

В аспекте теории перевода феномен иронии представляет сложность при передаче на другой язык, поскольку данное явление не всегда выражается эксплицитно, требуя профессиональных переводческих навыков. Ирония определяется как притворное изображение отрицательного явления в положительном виде с целью его осмеяния и дискредитации, основанное на выражении оценочного значения, заведомо контрастирующего с буквальным смыслом.

М. Е. Лазарева полагает, что при передаче иронии «переводчик должен не только хорошо знать ситуацию в стране языка оригинала и понимать основу иронических кодов автора, но и иметь четкое представление о том, как то или иное высказывание воспримет читатель, незнакомый с культурой страны оригинала» [1, с. 103].

В. С. Виноградов в качестве критерия оценки перевода отмечает традиционное использование термина «эквивалентность», который определяется как «сохранение относительного равенства содержательной, семантической, стилистической и функционально-коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе» [2, с. 173].

Исследователи утверждают, что фактически любому высказыванию можно придать оттенок ироничности, за счет маркеров, или индикаторов иронии, которые призваны обеспечить понимание адресатом иронической интенции автора высказывания. Для создания иронических смыслов могут быть использованы многочисленные языковые средства: метафоры, гиперболы, эпитеты, смешение стилей, перифраз, аллюзии, авторские указания, ремарки, цитации, кавычки, курсив и др.

Т. А. Казакова отмечает, что проблема переводимости иронии часто вызвана различиями между способами выражения иронии, принятыми в разных культурах. Автор рекомендует использовать следующие приемы перевода иронии:

1) полный перевод с незначительными лексическими или грамматическими преобразованиями используется, когда это позволяют словесный, и грамматический состав иронического высказывания в оригинальном тексте;

2) расширение исходного иронического оборота употребляется, когда смысл иронического высказывания неочевиден для представителей иноязычной культурной. В таких случаях часть подразумеваемых компонентов иронии облекается в словесную форму;

3) антонимический перевод, применяется тогда, когда прямой перевод утяжеляет переводную структуру из-за различия грамматических или лексических норм;

4) добавление смысловых компонентов имеет место, когда особенно важно сохранить исходные лексико-грамматические формы в условиях информационной недостаточности аналогичных форм в языке перевода;

5) культурно-ситуативная замена употребляется в тех случаях, когда прямое воспроизведение иронии невозможно, так как оно не будет воспринято переводящей культурой [3, с. 280–281].

Материалом исследования выступает роман *Good Omens* 'Благие знамения' – комедийное произведение, совместное творчество английских писателей Терри Пратчетта и Нила Геймана, уникальная смесь фэнтези, сатиры и социальных комментариев. История рассказывает об ангеле по имени Азирафаэль и демоне Кроули, которые, находясь на Земле с самого ее сотворения, стали друзьями. По мере приближения конца света они объединяют усилия, чтобы предотвратить апокалипсис и спасти человечество.

Полный перевод конструкции с незначительными лексическими или грамматическими преобразованиями (согласно терминологии Т. А. Казаковой) сохраняет иронический эффект, создаваемый за счет контраста между отдельно взятыми лексическими единицами и широким контекстом: *Young women should not go alone on dark nights, even in Oxfordshire. But any prowling maniac would have had more than his work cut out if he had accosted Anathema Device. She was a witch, after all. And precisely because she was a witch, and therefore sensible, she put little faith in protective amulets and spells; she saved it all for a foot-long bread knife which she kept in her belt* [4] 'Молодым женщинам не следует гулять в одиночку темными ночами, даже в Оксфордшире. Но любой рыскающий маньяк потерял бы охоту заниматься глупостями, да и не только ее, доведись ему встретить на темной тропинке Анафему Гаджет. В конце концов, она же была ведьмой. Именно потому, что она была ведьмой и, следовательно, отличалась здравомыслием, она слабо верила в силу защитных амулетов и заговоров; всем им она предпочитала длинный хлебный нож, который и носила за поясом' (здесь и далее перевод М. Ю. Юркан) [5].

Описание Анафемы Гаджет вступает в противоречие со стереотипными представлениями о ведьмах. Ситуативный алогизм строится на конвенциональной несовместимости существительного *witch* 'ведьма' и её последующих «профессиональных качеств»: *sensible* 'разумная', *put little faith in protective amulets* 'слабо верила в силу защитных амулетов и заговоров'. Нарушение логики сочетаемости перечисленных языковых номинаций создает абсурдное высказывание, являющееся одной из семантических тактик создания иронии стратегии рационально-аксиологического воздействия.

В контексте фигурирует имя собственное *Anathema Device* 'Анафема Гаджет', переведенное при помощи калькирования, приема, используемого для передачи «говорящих» имен и фамилий. *Anathema Device* имеет

потенциал для комической интерпретации. Этимологически *анафема* означает отлучение от церкви или кого-то, кого избегают. Фамилию *Device* в разных изданиях переводят как ‘Деталь, Устройство’. Переводчик М. Ю. Юркан использует вариант ‘Гаджет’, применяя модуляцию. Гаджет, лексема с возможным оттенком ироничности, поскольку в бытовом общении используется в язвительных комментариях относительно бытовой бесполезности инновационных технологий. Также авторами часто используется созвучие существительного *witch* ‘ведьма’ и местоимения *which* ‘который’, для создания языковой игры в диалогах:

- “*What’s the book called?*” said Adam.
- “*The Nice and Accurate Prophecies of Agnes Nutter, **Witch**,*” said Anathema.
- “***Which what?***”
- “*No. **Witch**. Like in Macbeth,*” said Anathema [4].

Расширение исходного иронического высказывания осуществляется посредством лексических добавлений и лексико-семантических трансформаций, таких как модуляция или целостное преобразование.

В. Н. Комиссаров дает следующее определение модуляции – замена слова или словосочетания ИЯ единицей ПЯ, значение которой логически выводится из значения исходной единицы. Наиболее часто значения соотнесенных отрезков в оригинале и переводе оказываются при этом связанными причинно-следственными отношениями [6, с. 177–178, 183–184].

Применение модуляции при переводе отражено в следующем контексте: *Secret Service men kept looking at her with growing unease. This was because they had been trained to react in a certain way to people in long flowing robes and long flowing headdresses, and were currently suffering from a conflict of signals. Humans suffering from a conflict of signals aren’t the best people to be holding guns, especially when they’ve just witnessed a natural childbirth, which definitely looked an un-American way of bringing new citizens into the world* [4] ‘Агенты спецслужбы сканировали взглядом все возможные источники угрозы с нарастающим беспокойством. Их профессиональная подготовка подразумевала вполне определенное отношение к людям в длинных ниспадающих одеяниях и объемных головных уборах, так что сейчас они испытывали весьма противоречивые чувства. Людям, носящим огнестрельное оружие, строго противопоказано волноваться. Вдобавок совсем недавно секретные агенты стали свидетелями естественного процесса родов, который весьма отличался от американского способа прироста населения’ [5].

Ироничное отношение к США, политическим деятелям, агентам спецслужб фигурирует во множественных комичных ситуациях произведения. Пример иронии реализуется во внешней коммуникации «автор–читатель». Авторами высмеивается способ прироста населения в Америке, что это осуществляется не естественным путем, а ввиду массовой нелегальной миграции.

Рассмотрим еще один пример расширения исходного высказывания через призму функционально-стилевой плоскости языковой среды: *Most of*

*the members of the convent were **old-fashioned** Satanists, like their parents and **grandparents before them**. They'd been brought up to it and weren't, when you got right down to it, particularly evil. Human beings mostly aren't. Interestingly, they just get **carried away by new ideas**, like dressing up in jackboots and shooting people, or dressing up in white sheets and lynching people, or dressing up in tie-dye jeans and **playing guitars at people**. Offer people a new creed with a costume **and their hearts and minds will follow**. Anyway, being brought up as a Satanist tended to take the edge off it. It was something you did on Saturday nights [4]*

‘Монахини ордена по большей части были сатанистками **старой закалки**, вслед за родителями и **пращурами**. Их с рождения воспитывали в соответствующем духе, но, если разобраться, особого зла они не приносили. Вообще, люди в большинстве своем не так уж злы. Они просто **внимают новым идеям**. Интересно же влезть в высокие сапоги и расстрелять кого-нибудь, или принарядиться в белые простыни и кого-нибудь линчевать, или натянуть вываренные джинсы и **сбавать кому-нибудь на гитаре**. Предложите людям новое кредо вкупе с новым нарядом, и они **будут воспевать хвалу вашему изящному решению**. Но если вас взрастили сатанистом, ничего свежего в том учении вы уже не найдете. Да, есть чем заняться в субботу вечером’ [5].

Вышеприведенный контекст является примером внешней коммуникации. Автор размышляет на тему обыденности сатанизма, реализуя иронию в двусмысленности предложенных аргументов. Автор апеллирует к логике читателя, активизируя механизм аналитического переосмысления. Субъективная авторская оценка выражается при помощи наречия *interestingly* ‘интересно’ при перечислении «типичных» субботних развлечений сатанистов: *расстрелять кого-нибудь, принарядиться в белые простыни и линчевать кого-нибудь* (отсылка к ку-клукс-клану). Декодирование модальности суждений с точки зрения системы ценностей «хорошо» – «плохо» (аксиологическая модальность) определяет ироничность данного контекста.

Возвышенная лексика в разговорно-бытовом и нейтральном контексте является одним из маркеров ироничности. Декларативность и торжественный оттенок возвышенной лексики в совокупности с нейтральным стилевым регистром остального контекста – свидетельство наличия импликаций и семантических аномалий в тексте. Ведущей трансформацией является **модуляция**, поскольку трансформируется стилистическая окраска лексем, а смысловая составляющая остается прежней. В функционально-стилевой плоскости присутствуют лексемы, относящиеся к полярным языковым регистрам: 1. Разговорные слова и выражения: *старой закалки, сбавать, вкупе*; 2. книжная и высокая лексика: *пращур, внимать, воспевать, взрастить*. Ироническая тональность переводящего языка интенсифицирована за счет возвышенной лексики, поскольку оригинальный текст более стилистический нейтральный. Данное рассогласование привносит элемент комичности.

При переводе выражения *playing guitars at people* ‘сыграть на гитаре’ вместо прямого и стилистически нейтрального варианта используется жаргонизм переводящей культуры ‘сбавать’. Данный вариант демонстрирует более очевидную комичность для представителей русскоязычной культуры.

Добавление смысловых компонентов имеет место в условиях информационной недостаточности: *Many phenomena-wars, plagues, sudden audits – have been advanced as evidence for the hidden hand of Satan in the affairs of Man, but whenever students of demonology get together the M25 London orbital motorway is generally agreed to be among the top contenders for Exhibit A. It was one of Crowley’s paramount achievements. It had taken years to achieve, and had involved three computer hacks, two break-ins, one minor bribery and, on one wet night when all else had failed, two hours in a squelchy field shifting the marker pegs a few but occultly incredibly significant meters. When Crowley had watched the first thirty-mile-long tailback he’d experienced the lovely warm feeling of a bad job well done. It had earned him a commendation* [4] ‘Доказательств тайного вмешательства Сатаны в дела человеческие более чем достаточно: войны, эпидемии чумы, неожиданные налоговые проверки... Однако все знатоки демонологии единогласно признают: лондонская окружная трасса **M25 (самая опасная дорога в Британии)** – это доказательство № 1. Кроули считал трассу одним из лучших своих достижений. На это ушли годы, три хакерские атаки, два грабежа со взломом, одна мелкая взятка, а когда все оказалось тщетно – два часа промозглой ночью, в грязи, покуда Кроули перемещал топографические колышки всего лишь на пару метров, чрезвычайно важных с оккультной точки зрения. Позже, наблюдая за первой пробкой длиной в добрых тридцать миль, Кроули испытал истинное удовольствие от сознания хорошо выполненного злодейства. Ему была объявлена благодарность’ [5].

Одной из тактик создания иронии выступает – несообразная корреляция при перечислении свидетельств вмешательства Сатаны, таких как войны, чума и, в завершение, несоразмерных по степени трагизма налоговых проверок. Степень ироничности усиливается за счет антитезы *the lovely warm feeling of a bad job well done* ‘испытал истинное удовольствие от сознания хорошо выполненного злодейства’ и абсурдности контекста, который строится на противоречии и двусмысленности. Автор вербализует отрицательную деонтическую оценку описывая злодеяния Кроули с помощью прилагательного *paramount* ‘лучший, первостепенный’, что заведомо противоречит общественным нормам морали, следовательно, носит иронический характер. Переводчик также добавляет авторский комментарий в скобках *the M25 London orbital motorway* ‘лондонская окружная трасса M25 (самая опасная дорога в Британии)’, расширяя исходное ироническое высказывание, при этом сохраняя авторский замысел.

Культурно-ситуативные замены выступают наиболее сложными для перевода, поскольку употребляются в тех случаях, когда прямое воспроизведение способа выражения иронии нежелательно, так как он не будет воспринят переводящей культурой: *They were feeding the ducks. The ducks in St. James’ Park are so used to being fed bread by secret agents meeting clandestinely that they have developed their own reaction. Put a St. James’ Park duck in a laboratory cage and show it a picture of two men-one usually wearing a coat with*

a fur collar, the other something somber with a scarf-and it'll look up expectantly. The Russian cultural Attachés black bread is particularly sought after by the more discerning duck, while the head of MI-9's soggy Hovis with Marmite is relished by the connoisseurs [4] ‘Утки в Сент-Джеймском парке настолько привыкли к тому, что их кормят тайные агенты, назначающие здесь свои явки, что у них **в точном соответствии с теорией Павлова развился условный рефлекс**. Посадите утку из этого парка в лабораторию и покажите ей фотографию двух мужчин (одного обычно в пальто с меховым воротником, другого в чём-нибудь тёмном и **в кашне**) – и она уставится на них с нетерпеливым ожиданием. Утки более разборчивые предпочитают ржаной хлеб от русского атташе по культуре, тогда как гурманы смакуют **непропечённые бутерброды с белковой пастой**, которыми угощает начальник британского Управления военной разведки, более известного как МИ-9’ [5].

Для создания иронии используется семантическая тактика – иллюзия правдоподобности, комичная ситуация, основанная на шпионских клише. Утки являются постоянными безмолвными участниками конспиративных встреч Кроули и Азирафаеля в парке. В качестве интенсификатора иронического смысла авторами используется антропоморфизм – наделение птиц способностью различать людей на фото. Создание шпионской атмосферы невозможно без аллюзии на серию фильмов о Джеймсе Бонде и вымышленную спецслужбу МИ-6: *the head of MI-9* ‘британского Управления военной разведки, более известного как МИ-9’.

Переводчик прибегает к культурно-ситуативным трансформациям: нейтральный текст оригинала заменен жаргонизмом *developed their own reaction* ‘в точном соответствии с теорией Павлова развился условный рефлекс’, шутливая семантика прочно закреплена в общем значении выражения и фиксируется словарями; *soggy Hovis with Marmite* ‘непропечённые бутерброды с белковой пастой’ – обе британские торговые марки могут быть затранскрибированы, что часто применяется в иных контекстах (Ховис – компания по производству хлебобулочных изделий; Мармайт – торговая марка бутербродных паст), однако переводчик прибегает к описательному переводу для адаптации текста для русскоязычного читателя. Также при переводе использована конкретизация *something somber with a scarf* ‘кашне’. Слово *шарф* имеет более широкое значение, а *кашне* исключительно мужской шарф, узкий, двусторонний, чаще шелковый.

Основным требованием к качественному переводу является знание переводчиком реалий, или конкретных условий жизни и быта страны, с языка которой производится перевод. Также необходимо учитывать: расхождение в грамматических категориях; различие в синтаксисе; отличие в переводе отрицательных конструкций; несовпадение в объеме лексического значения (ряд многозначных слов и слов-омонимов переводятся по-разному в зависимости от контекста).

На основании проанализированных способов передачи иронии можно составить следующий алгоритм процесса перевода иронии в разнострук-

турных языках: выявление механизмов её порождения → декодирование ядра иронического контекста в исходном тексте → определение языковых средств выражения иронии и подбор адекватного эквивалента в языке переводящей культуры, с максимальным сохранением единства формы, содержания и стилистической образности оригинала → истолкование коммуникативно-прагматической направленности высказывания (снижение категоричности, установление отношений доминирования, выражение опровержения, дружеская насмешка, самозащита, развлечение адресата и т.д.) → установление оптимальных способов передачи иронии и их сочетание в зависимости от лексического и грамматического состава высказывания → учёт особенностей менталитета носителей языка, а также авторской индивидуальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лазарева, М. Е.* Языковые средства выражения иронии на материале норвежских публицистических текстов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М. Е. Лазарева ; Моск. гос. лингвист. ун-т. – М., 2005. – 19 с.
2. *Виноградов, В. С.* Лексические вопросы перевода художественной прозы / В. С. Виноградов. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1978. – 174 с.
3. *Казакова, Т. А.* Практические основы перевода: English ↔ Russian : учеб. пособие / Т. А. Казакова. – СПб. : Лениздат : Союз, 2001. – 317 с.
4. *Pratchett, T.* Good Omens: The Nice and Accurate Prophecies of Agnes Nutter, Witch / T. Pratchett, N. Gaiman. – New York : William Morrow, 2006. – 491 p.
5. *Пратчетт, Т.* Благие знамения / Т. Пратчетт, Н. Гейман ; пер. с англ. М. Юркан. – М. : Эксмо, 2012. – 512 с.
6. *Комиссаров, В. Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.